

ОБРАЗ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА – УСТРОИТЕЛЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

В результате анализа сюжетного типа легенд об изгнанном святом-страннике выявляются новые грани образа Николая Чудотворца. Он предстаёт устройтелем материальных и культурных ценностей. Образ святителя Николая органично вписывается в фольклорную парадигму и в качестве странника русской земли.

Ключевые слова: народная агиография, мотив неузнанного прибытия святого, создание сакральных объектов

THE IMAGE OF SAINT NICHOLAS – THE ORGANIZER OF SURROUNDING WORLD

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

As a result of the analysis of narrative type of legends about the expulsion of saint-wanderer reveals new image of Saint Nicholas. He acts as the creator of material and cultural values. The image of Saint Nicholas puts into the folk paradigm as a wanderer of the Russian land.

Keywords: folk hagiography, motive of unknown arrival of the Saint, the creation of sacral objects

Каноническое житие Николая Чудотворца наиболее полно отражено в фольклорных легендах и духовных стихах. Наблюдается преобразование эпизодов книжного жития, дополненного уже в Древней Руси новыми темами и сюжетными моделями, и создание оригинальных текстов. Они могут быть порождены теми или иными обстоятельствами чуда, ключевого мотива в жанре легенды. В устное жизнеописание святого нередко включаются важные исторические и бытовые сведения. Оно уникально также своим мифологическим содержанием [1]. Народное житие Николая Угодника многослойно, состоит из неодинаковых по степени архаичности частей.

Легенда – традиционный, но сравнительно поздний жанр русского фольклора. Она впитала и переработала инвариантные схемы и другие компоненты фольклорной поэтики, наряду с книжными источниками: библейскими, агиографическими и апокрифическими. В структуре отдельных легенд ключевые позиции занимают представления о святом, устройтеле и преобразователе окружающего мира, создателе материальных благ и сакральных объектов. В необозримом количестве сюжетов об избавлении от смерти Николаем Угодником невинно осуждённых и других гибнущих людей, о его помощи потерявшим родных, работу, утратившим имущество и под. указанные выше мотивы, близкие мифам о культурных героях, – редкое явление, однако требующее специального изучения.

В официальной и устной народной агиографии Николай Чудотворец пребывает в движении, постоянно преодолевает огромные расстояния, чтобы успеть помочь терпящим бедствия. В современных записях легенд преобладают сюжеты о его внезапном появлении и столь же стремительном исчезно-

вении после совершения чуда. Между тем встречаются сравнительно редкие сюжетные мотивы, где святой длительное время передвигается в конкретном локальном пространстве. Изгнанный местными жителями, он переходит на другое место «обживаться», строить храмы и т.п. Такое движение персонажа легенд отличается интенсивностью и разнонаправленностью. В то же время оно является целенаправленным, аккумулирующим в себе функции созидания материальных и духовных ценностей. По ходу движения святого прокладываются тропы и дороги, открываются водные источники, возводятся церкви, часовни и монастыри.

Астраханский рукописный текст «Что ни поступь, то родник» оригинален в ряду активно бытующих на Нижней Волге легенд о святом. Он напрямую соотносится с распространенным на Русском Севере и в других регионах агиографическим повествованием об изгнанном людьми святом, создателе сакральных объектов. Данная разновидность легенд проанализирована в монографии А.Б. Мороза «Святые Русского Севера: Народная агиография» на материале легенд о преподобном Александре Ошевенском (1427–1479), монахе Кирилло-Белозерского монастыря. Этот один из самых почитаемых в Каргополье и за его пределами святых основал Александро-Ошевенский монастырь [2, с. 142–202].

На Нижней Волге сюжет об изгнании святого-странника не соотносится с местнотимым святым, как в северорусских материалах. В легенде «Что ни поступь, то родник» он ассоциируется с образом Николая Чудотворца, с топонимом «село Никольское» и с одним из красивейших храмов Астраханского края. Текст этой народной легенды содержит устойчивые эпические мотивы: предварительной недооценки главного героя, обманутого ожидания, мнимого страха и беспочвенных опасений персонажей. В экспозиции странника воспринимают обычным стариком: «*Один он, такой как странник, был-жил. Думали: он такой обычный старичок какой-то*». (Зап. Н.В. Болотиной в с. Никольском Енотаевского района Астраханской области 10.07.2007 года от Горенковой Зои Никитичны, 1935 г.р. (Фольклорный архив Астраханского государственного университета: коллекция «Несказочная проза»; в дальнейшем – ФА АГУ).

Основной сюжетный конфликт между пришельцем и жителями села оформляется в развёрнутом диалоге между ними. В этом диалоге жители не слышат главного: странник пришёл с благой целью, с надеждой на взаимное понимание и взаимопомощь, а не за тем, чтобы ущемить чьи-то права. Но люди опасаются, что будет нарушено привычное благополучие: «*“Ты что, строиться будешь? Так жалко же лесок наш срубить”. Вот его взяли и прогнали. Говорят: “Уходи!” Вот он и пошел по селу. Где родников наделал, где деревца возрастил. Так пошел он по селу*». В астраханской легенде отсутствуют упоминания о нищете странника, устойчивые для легенд мотивы несостоявшегося подаяния, отказа в милостыне, кстати сказать, инвариантные в фольклорной прозе. В частности, они хорошо известны по материалам других регионов. Пришелец намерен «обживаться» в незнакомом месте, чтобы помогать людям, совершать чудеса благодеяний. Ключевой для жанра легенды концепт чуда «прорастает» в реальном топосе произведения и не воспринимается как нечто сверхъестественное.

Святой идёт по селу, по лесу: «*шел он и до реки дошел*». «*Дальше пошел в сторону. И вот идет и где ни ступит – так родничок появляется*». Передвижение главного героя, «вынужденное перемещение» (в терминологии М.М. Бахтина) его в пространстве – сюжетно-композиционный стержень повествования, как и в волшебной сказке. Но в легенде «Что ни поступь, то родник» путь святого и всё то, что происходит по ходу его движения, делается не для личного блага или же в интересах собственной семьи, как это свойственно сказочному герою. Чудотворение совершается для украшения земли, для живущих в конкретном месте людей – независимо от их восприятия и

оценки деяний святого. В таких стереотипных сюжетных эпизодах легенды исследователи не без оснований усматривают аналогию мифам о культурном герое, о его деятельности по преобразованию конкретного пространства и всего окружающего мира (в мифологической традиции разных народов).

Один из самых устойчивых и стилистически формульных для данного сюжетного типа эпизодов – недоброе пожелание изгнанного святого. В его северорусских версиях и вариантах мотив возмездия нередко разворачивается в самостоятельную сюжетную линию. Весь её пафос направлен на утверждение мысли о справедливости наказания для согрешивших жителей той или иной местности. Согласно пророчеству-проклятию, они вынуждены жить «ни серо, ни бело», «ни с водой, ни без воды» и т.п. Пожелание изгнанного странника сбывается и сохраняет свою действенную силу на многие века. Судя по материалам народной агиографии Каргополья, эта тема наиболее детально прорисована в легендах о преподобном Александре Ошевенском.

В народной прозе Нижней Волги, как и в общерусской традиции, активно бытуют сюжеты об искушении и наказании грешников, о возмездии за нарушение норм благочестивого поведения, за кощунственную пляску девушки с иконой Николая Угодника и т.п. Между тем Николай Угодник легенды «Что ни поступь, то родник» никого не наказывает и не проклинает. Странник, уходя, высказывает недоброе пожелание: «*Вот, – говорит, – живите ни серо, ни бело. А я ухажу, найду место другое*». В контексте легенды это пожелание больше похоже на разочарование в гонителях, не сумевших увидеть сути происходящего. Данная формульная реплика звучит не как угроза. В ней преобладает сожаление о несостоявшихся диалоге и сотрудничестве.

У главного героя нет ни намерения, ни попытки отомстить за недружелюбное к себе отношение. В северорусских легендах такое предсказание святого предвещает безрадостное существование людей, их безрезультативный труд, несчастья и т.п. В астраханской легенде аналогичная формула по сути дела не является недобрим пожеланием. Она сюжетно не реализована, не имеет каких-либо конкретных проявлений. Более того, в данной легенде акцент сделан на мотивах щедрых благодеяний святого для ослепленных сиюминутными интересами жителей. «*Вышел на большую дорогу – эта дорога не зарастает. Куда бы он ни шел, не зарастает травой земля, ни камышом никаким*». Цепочка благих дел имеет как устойчивые для всех регионов мотивы (не зарастающая дорога или тропа; порождение источников; насаждение деревьев; устройство храмов), так и актуальные для Нижней Волги (земля не зарастает «*камышом никаким*»).

В развязке сюжета усилена тема созидания, жизнестроительства, духовного делания в ответ на неприязненное отношение к святому. «*Пошел дальше, дошел до Никольского. Там церковь поставил. Ее купола и сейчас переливаются на солнце. Жители до сих пор гадают: кто же был тот странник? Никак сам Николай Угодник*». Как было отмечено выше, зачин и экспозиция легенды имеют черты, сходные со сказкой. Однако в финале произведения наблюдается установка на достоверность, в то время как сказочная конечная формула дает установку на вымысел. Сказочник отказывается от рассказанного как правдоподобного факта. Между тем в легенде «Что ни поступь, то родник» акцентируется внимание на почти документальном подтверждении реальности и неотменимости чуда легенды, его жизни в вечности, ибо купола храма «*и сейчас переливаются на солнце*».

Оптимистический пафос завершающей части легенды тоже приглушает звучание пожелания: «*Живите ни серо, ни бело*». Таким образом, из неопределённого времени давно ушедших веков, как это проявляется в зачине легенды, сюжет делает своего рода прорыв к настоящему, всегда актуальному и очевидному чуду следов на земле, оставленных святым на пользу и радость людям. Стержневой идее данной легенды присущ жизнеутверждающий

характер, несмотря на то что странник не был понят и принят. Перефразируя высказывание С.В. Алпатова, можно утверждать: какие бы ни возникали новые «сюжетные коллизии и межжанровые взаимодействия», они «не разрушают целостного образа св. Николая» [3, с. 39]. Милостивый святой, безотказный и надёжный помощник людей не проклинает изгнавших его жителей.

Легенда «Что ни поступь, то родник» имеет общую сюжетную основу с текстом о святом «След на камне», записанным и опубликованным Н.А. Криничной [4, с. 262]. Близкий вариант этого же сюжета воспроизведён в главе указанной монографии А.Б. Мороза «Преподобный Александр Ошевенский» (по архивным материалам Карельского научного центра РАН) [2, с. 167]. В сопоставляемых легендах Русского Севера и Нижней Волги выявляется общий структурный элемент: образ святого-пришельца. В анализируемых легендах совпадают сюжетные мотивы устройства родников.

Общим является образ незарастающей дороги: «Куда он шёл – не зарастает лесом, как на тракторе проехано» [4, с. 262]. В опубликованной легенде деяния святого тоже соответствуют представлению о культурном герое. Своеобразие фольклорных версий об изгнанном святом, с одной стороны, предопределено архетипическими сюжетными моделями о культурном герое. С другой стороны, легенды впитали события исторической жизни России, когда происходило заселение и освоение необжитых территорий севера и юга страны, Сибири и т.д. Из древнерусской книжности известны примеры конфликтов между монастырями и крестьянством, другими светскими структурами, что тоже могло повлиять на сюжетный конфликт легенды, способствовать актуализации данного сюжетного типа.

Следует отметить, что концепт движения – одна из фольклорных универсалий. Движение / созидание имеет и мифологический, и фольклорный контекст. Об этом писали многие учёные. Как остроумно заметил В.Я. Пропп, в бытине движение возможно и без пространства, которое преодолевается мгновенно [5, с. 153]. Здесь же высказано афористически чёткое суждение, имеющее прямое отношение к любому фольклорному жанру: «Поэтика фольклора есть поэтика движущихся тел» [5, с. 152].

Итак, мотивы неузнанного прибытия святых в образе странников-нищих, появления Христа с апостолами, мотивы испытаний персонажей здешнего мира на духовно-нравственную сущность (хозяев, принимающих либо изгоняющих пришельцев) входят в традиционный и устойчивый сюжетный тип странствующего божества. Тем самым обнаруживаются как прямые, так и отдалённые аналогии легендам об изгнанном святом, подчас неблизкие по сюжетной разработке, но во многом родственные по основному смыслу и функциональной направленности. Образ культурного героя-демиурга и архетипические мотивы упорядочения и творческого преобразования окружающего человека пространства обретают в легендах новую жизнь, наполняются содержанием, актуальным для той или иной конкретной эпохи.

Список литературы

1. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.
2. Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография / А. Б. Мороз. – М. : ОГИ, 2009. – 528 с.
3. Алпатов С. В. Николай Чудотворец в русских народных легендах / С. В. Алпатов // Традиционная культура. – 2005. – № 1. – С. 31–39.
4. Легенды, предания, бывальщины / сост. Н.А. Криничная. – М. : Современник, 1989. – 287 с.
5. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 352 с.

References

1. Uspenskij B. A. Filologicheskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej (Relikty jazychestva v vostochnoslavjanskom kul'te Nikolaja Mirlikijskogo). M., MSU Publ., 1982. 245 p.
2. Moroz A. B. Svjatye Russkogo Severa: Narodnaja agiografija. M., OGI, 2009. 528 p.
3. Alpatov S. V. Nikolaj Chudotvorec v russkih narodnyh legendah // Tradicijonnaja kul'tura, 2005, № 1, pp. 31–39.
4. Legendy, predanija, byval'shhiny / N. A. Krinichnaja. M., Sovremennik, 1989. 287 p.
5. Propp V. Ja. Pojetika fol'klora. M., Labirint, 1998. 352 p.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ УСТНЫЕ РАССКАЗЫ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Содержание устных рассказов отличается документальностью и в то же время психологизмом, модальной окрашенностью повествования. По сравнению с другими жанрами фольклорной прозы, сюжетная основа автобиографических рассказов более вариативна. Тем не менее выявляется своеобразная структурированность текстов, композиционная организация словесного материала.

Ключевые слова: факты биографии рассказчика, историзм, эмоционально-психологические компоненты текста

AUTOBIOGRAPHICAL ORAL STORIES: TO THE QUESTION OF GENRE SPECIFICS

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The content of oral stories includes documentary facts and, at the same time, psychological analysis, modal coloring of the narrative. Compared with other genres of folklore prose, the plot's basis of the autobiographical short stories is more variable. However, the specific structure of texts and compositional organization of verbal material may be discovered.

Keywords: the facts of the biography of the narrator, historicity, emotional and psychological components of the text

Устные рассказы о труде астраханских мореплавателей, ловцов, о штормах и «относах» на Каспии, о праздниках и буднях людей, войнах и других социальных потрясениях, являясь частью народного быта, органично входят в традиционную духовную культуру, в жизнь этноса и оказывают на них большое влияние. Такие автобиографические повествования не всеми исследователями признаны автономным и полноценным в эстетическом плане жанром фольклорной прозы. Действительно, мера художественности народного сказа у разных рассказчиков неодинакова. Кстати сказать, певцы и сказители, знатоки других жанров устного творчества тоже различаются по степени одарённости исполнительским талантом. Однако нельзя не признать, что бесценный материал устных рассказов, автобиографических по преимуществу, – это живая летопись народной жизни и нашей истории, как она отображена в судьбах россиян, в том числе астраханцев.